

13. Экспорт товаров из Германии в 2017 году/ TrendEconomy [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://data.trendeconomy.ru/dataview/trade/statistics/h2?reporter=Germanyandtrade_flow=Import,Export. – Дата доступа : 20.03.2019.

О. В. Бригадина

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ГЕРМАНИИ (1920–1930-е гг.)

Радикальные изменения в России, вызванные Февральской и Октябрьской революциями 1917 г. и Гражданской войной 1918–1920 гг., привели к тому, что прежний образ жизни и привычный для большинства мир с принятыми в нем ценностями и нормами стали нежеланны для одних и недостижимы для других. Все это повлекло за собой первую после-революционную волну российской эмиграции («первую волну»).

Неопределенность юридического положения российского эмигранта и нерешенность международными организациями данной проблемы связывались с тем, что к иностранцам применялся «в целом ряде случаев их “личный”, “национальный” закон» [1, с. 54]. В силу того, что существовавшее ранее российское законодательство было признано в Советской России недействительным, становилось неясно, какой закон должен был быть применим к российским эмигрантам взамен «национального» закона.

По декрету «О бесхозяйном имуществе» от 3 ноября 1920 г. и постановлению «О конфискации всего движимого имущества граждан, бежавших за пределы РСФСР» от 19 ноября 1920 г. российские эмигранты лишались всей своей собственности и возможности возвращения на Родину [2, с. 50]. 15 декабря 1921 г. Всероссийский центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров опубликовали декрет о лишении гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей. Согласно данному постановлению, гражданства лишались: 1) лица, пробывшие за границей более пяти лет и не получившие от большевистского правительства паспорт до 1 июня 1922 г.; 2) лица, выехавшие из страны после Октябрьской революции без разрешения советских властей; 3) лица, добровольно служившие в армиях, сражавшихся против новой власти и контрреволюционных организациях; 4) лица, имевшие право оптации российского гражданства и не воспользовавшиеся этим правом к моменту истечения таковой. Также предусматривалась возможность для лиц, указанных в п. 2 и п. 3 до 1 июня 1922 г. подать заявление в адрес ВЦИК о восстановлении гражданства, для чего требовалось заявление о принятии подданства РСФСР, покаяние во всех преступлениях против власти и принятие просителем всех принципов и порядков советского строя [3, с. 168–169]. С принятием данного декрета широкий круг лиц-выходцев из прежней Российской империи был

лишен защиты в системе международных правовых отношений, при этом российские эмигранты обладали меньшим набором прав и свобод, чем граждане страны-реципиента. Важную роль в урегулировании проблемы правового статуса эмигрантов сыграли прежние посольства и консульства Российской империи, которые впоследствии были реорганизованы в офисы беженцев с сохранением их юридических полномочий. Дипломатическое представительство занималось выдачей документов, защитой эмигрантов в получении образования и трудовой деятельности, а также препятствовало высылке из страны проживания. После эвакуации Белой армии из Крыма задача защиты интересов российских эмигрантов была передана специально организованному Совещанию послов во главе с М. Н. Гирсом, а затем В. А. Маклаковым [2, с. 45]. Данной организации принадлежала компетенция распоряжения государственными средствами и имуществом Российской империи [2, с. 48], она материально поддерживала благотворительную работу Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей. Несмотря на то, что местные власти с пониманием относились к работе представителей прежнего дипломатического корпуса, выдаваемые ими документы не имели официального статуса. В силу изложенных обстоятельств в межвоенное время проблема правового статуса покинувших Россию стала темой активного обсуждения на международном уровне. В процессе выработки новых норм определяющая роль принадлежала Лиге Наций. В целях обеспечения оперативной и эффективной работы на первой межправительственной конференции, созванной под эгидой Лиги Наций в августе 1921 г., было принято решение об учреждении особого комиссариата по делам русских беженцев, а также о введении должности Верховного комиссара по делам русских беженцев. На него была возложена деятельность по регулированию правового статуса беженцев, проведение репатриации или организация размещения беженцев по странам, которые могли бы их принять, а также проведение отдельных мероприятий по оказанию помощи беженцам [4, с. 239]. При Верховном комиссаре действовало два совещательных органа: Межправительственная комиссия, в состав которой входили представители тринадцати государств, и Совещательный комитет, который был представлен уполномоченными от организаций, оказывавших помощь беженцам (например, международных благотворительных организаций или общественных организаций эмигрантов). В решении вопроса о юридическом статусе беженцев позиции государств определялись стремлением сохранить свою самостоятельность в сфере законодательства и не допустить серьезных изменений в данной сфере. По мнению Ф. Нансена, необходимо было проводить работу по переписи эмигрантов, расселению их по странам и трудоустройству, а также урегулированию деятельности различных благотворительных организаций и учреждений [2, с. 34]. В июле 1922 г. на Женевской конференции был принят текст сертификата для российских эмигрантов, так называемого «нансеновского паспорта», благодаря которому признавалось их особое юридическое положение. Однако обязательства

стран-реципиентов по оказанию помощи владельцам данного документа оставались самыми минимальными: «нансеновский паспорт» не облегчал процедуру получения визы и вида на жительство в стране пребывания, а также не гарантировал возвращения в страну, выдавшую паспорт [5, с. 37].

Для российских эмигрантов проблема передвижения оставалась одной из самых существенных на протяжении межвоенного времени, прежде всего из-за наличия визового режима. Правила выдачи русским беженцам удостоверений личности устанавливали, что беженец может быть допущен в то государство, в которое он желает въехать, при условии, если это государство выдаст ему визу на основании этого документа. В социально-экономической сфере жизни обладатели «нансеновского паспорта» также не располагали тем набором прав, которые были у граждан той или иной страны. По словам В. В. Набокова, «нансеновский паспорт» был «чрезвычайно неполноценным документом болезненно-зеленого оттенка. К обладателю этой бумажки относились немногим лучше, чем к преступнику, выпущенному из тюрьмы под подписку о невыезде» [6, с. 568]. Процедура и условия выдачи сертификата определялись местными властями и представительствами Международного бюро труда, которые, в свою очередь, сотрудничали и с эмигрантскими организациями.

Русскими беженцами стали считаться лица русского происхождения, не пользовавшиеся защитой Советского Союза, но не ставшие подданными другого государства [5, с. 37]. Подчеркивалось, что термин *русский* необходимо понимать в юридическом смысле, т. е. как выходец из бывшей Российской империи, а не с точки зрения культурной принадлежности [5, с. 37]. Поэтому для понимания сложности правовых условий жизни и работы выходцев из России в Германии, необходимо проанализировать основные правовые нормы для иностранцев в данном государстве.

Германия занимала особое место по распространению русскоязычных эмигрантских центров в Европе. Одной из причин была традиционная ориентация гуманитарной интеллигенции на высшее образование Германии. Многие до революции учились в немецких университетах или посещали лекции крупнейших профессоров в качестве вольнослушателей. Второй причиной была территориальная близость Германии с Россией. Существовала еще одна веская причина: после поражения в Первой мировой войне в Германии практически отсутствовал жесткий визовый режим въезда в страну, что для лишенных всяких прав беженцев было очень важно. В ряду объективных причин были также сравнительная дешевизна жизни из-за послевоенной инфляции и относительная лояльность германского правительства к национальным меньшинствам, в том числе и беженцам из России.

В истории послереволюционной российской эмиграции в Германии можно выделить три основных периода. В 1920–1922 гг. на ее территории оказалось значительное количество бывших подданных Российской империи, представлявших различные слои общества. С заключением Раппальского договора начался второй период (1922–1932 гг.). Кризис и распад русскоязыч-

ной колонии в Германии характерен для третьего периода – 1933–1939 гг. Утверждение нацистского режима принудило основную часть выходцев из России выехать в другие страны.

Данные о численности российской эмиграции в Германии в значительной степени разнятся. К «русским» было принято относить всех бывших подданных Российской империи, независимо от их этнической принадлежности. Историк В. Костиков отмечал, что в 1921 г. в результате массового исхода из России Германия будто «кипела эмигрантами» их там скопилось около 600 тысяч. Немецкий исследователь Х. Е. Фолькман в своей книге «Русская эмиграция в Германии в 1919–1929 гг.» приводит несколько иные данные. По его мнению, на 1 марта 1921 г. число русских беженцев в Германии достигло 50–80 тыс., а в декабре 1922 г. их число уже увеличилось до 600 тысяч. Г. Рар, опираясь на данные Британского королевского общества, приводит следующие цифры: 1922 г. – 240 тыс., 1937 г. – 450 тыс. [7, с. 180–181]. Российская колония в Германии была дифференцирована в материально-имущественном и социальном отношении. Практически сразу она разделилась на две условные группы: «устроившихся» т. е. занявших более-менее стабильное положение и «нуждающихся», которых было большинство. К этой группе относились офицеры белых армий, не имевших, как правило, иной профессии, кроме военной; солдаты, не знавшие языка, интеллигенция и множество рядовых беженцев. По мнению И. Эренбурга, среди них было много людей, не понимавших, как и почему они очутились в эмиграции: «Одни убежали в припадке страха, другие от голода, третьи потому, что уезжали из России их соседи. Кто-то остался, кто-то уехал: один брат ходил на субботники в Костроме, другой мыл тарелки в берлинском ресторане «Медведь» [7, с. 180]. Большинство эмигрантов были вынуждены соглашаться на любую работу. По закону об иностранных рабочих предпочтение отдавалось немцам, причем иностранцы могли трудоустроиться, если работодатель имел на это особое разрешение. Власти стремились защитить собственных граждан от безработицы, от конфликтов на производстве. Эмигранты не могли претендовать на государственное пособие по безработице, на работу в госструктурах. Ситуация изменилась после постановления правительства от 6 июня 1922 г., по которому всех российских эмигрантов стали определять как лиц без гражданства. Для решения проблемы в Германии были введены удостоверения личности – нансеновские паспорта, которые подтверждали статус лица без гражданства. Его владелец имел право обращаться к властям за получением вида на жительство, оформлять визы для выезда за рубеж, периодически продлевать срок действия паспорта. Для правовой защиты лица без гражданства имели право обращаться в суд в случае утраты дееспособности, многие неимущие эмигранты были освобождены от налогов. Исключение составили лишь те лица, которые владели акциями, недвижимостью, предметами искусства и т. д., а также решившие поменять страну пребывания. По немецкому законодательству иностранцы имели право сдавать или нанимать жилье, при этом специальные жилищные комиссии контролировали стоимость подоб-

ных процедур; оплата съемной квартиры, расходы на отопление и другие услуги оплачивались в равных долях с хозяином жилья. Вместе с тем, для значительной части русскоязычной колонии подобные привилегии были недоступны. В разных городах Германии существовали беженские лагеря на базе санитарных бараков, помещений бывших лагерей для военнопленных, заброшенных домов.

Помощь беженцам оказывали международные организации и католическое духовенство. Под их контролем действовал Комитет помощи русским детям Германии, «Пост помощи эмигрантам». После подписания Раппальских соглашений в Берлине было основано Бюро по делам русских беженцев, которое помогало в решении правовых и административных проблем, занималось финансированием и распределением материальной помощи приютам, лагерям беженцев, школам. В 1920-е гг. по разрешению местных властей стали создаваться эмигрантские комитеты самопомощи, Русские благотворительные общества, начала действовать Организация генеральных поверенных для русских беженцев. Поддержку оказывали земско-городской комитет, Красный крест, Берлинское объединение русских врачей, Союз русских студентов и другие.

Однако несмотря на усилия немецких властей и эмигрантских организаций, социальное и правовое положение беженцев было непрочным. Проблема безработицы оставалась нерешенной, ощущение обреченности и бесправие вынуждало многих переселиться во Францию и другие страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романова, М. П. Мемуары / М. П. Романова. – М.: Захаров, 2004. – 512 с.
2. Бочарова, З. С. Правовое положение русских беженцев на Западе в 1920–1930-е годы / З. С. Бочарова // История. – 2002. – № 2. – С. 25–53.
3. Сабенникова, И. В. Российская эмиграция (1917 – 1939): сравнительно-типологическое исследование / И. В. Сабенникова. – Тверь : Золотая буква, 2002. – 429 с.
4. Гусефф, К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920 – 1939 годы) / Катрин Гусефф. – М. : Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.
5. Соглашение о выдаче удостоверений личности русским и армянским беженцам, 5 июля 1922 г. // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – № 1. – С. 37–38.
6. Набоков, В. В. Русский период. Собрание сочинений: в 5 т. / В. В. Набоков. – СПб. : Симпозиум, 2009. – Т. 2. – 784 с.
7. Проблемы истории русского зарубежья. Материалы и исследования. – М. : Наука, 2005. – 453с.